

жановский определяет предмет и границы паремнологии как специальной фольклористической дисциплины, ее место среди других гуманитарных наук —. В ряде статей характеризуются жанровые (структурные) особенности пословиц и поговорок, а также их связи и взаимоотношения со сказкой, загадкой и другими близкими жанрами²⁴. Ю. Кшижановский исследует истоки и историю этого вида народного творчества, а также историю собирания, издания и изучения пословиц и поговорок²⁵. В связи с этим ряд очерков освещает деятельность выдающихся польских паремнологов — С. Рысиньского, С. Адальберга, Я. Быстроны и др.²⁶ В цикле небольших эссе и этюдов анализируются происхождение, смысл и поэтика отдельных пословиц, поговорок и идиом (некоторые из этих миниатюр оставались в рукописях и впервые публикуются в этом томе)²⁷. Во всех названных направлениях исследований Ю. Кшижановский учитывает опыт европейской науки, изучает польские пословицы и поговорки в широком международном контексте (в том числе и в связи с пословицами и поговорками соседних, славянских народов), а также прослеживает их влияние на литературу, следы этого влияния и творчестве польских писателей.

Заключает третий том большое приложение, состоящее из библиографического указателя к статьям сборника, указателя имен и названий работ Кшижановского и других авторов, а также указателя образов и персонажей фольклорных и литературных произведений. Особые индексы ориентируют читателя в сюжетах и мотивах разных произведений фольклора, в том числе пословиц и поговорок.

«Фольклористические очерки» подготовлены к изданию с большой тщательностью и почти исчерпывающей полнотой, каждый том снабжен большим количеством иллюстраций. Можно лишь сожалеть, что в издание не вошла содержательная энциклопедическая статья Ю. Кшижановского «Фольклор» (1965), важная для понимания теоретических взглядов ученого (отсутствие этой статьи особенно заметно, поскольку некоторые другие статьи из «Словаря польского фольклора» в трехтомник включены). Комментарии помогают ориентироваться в наследии выдающегося польского ученого, в обстоятельствах, способствовавших появлению той или иной статьи или вызвавших полемику, существенно дополняют литературу по затронутым в статьях проблемам ссылками на другие работы автора и на появившиеся позже работы других авторов, как польских, так и зарубежных, в том числе советских. Заметим лишь, что не всегда легко отделить комментарии Ю. Кшижановского от дополнений издателей, а в библиографии есть и некоторые пропуски.

Издание работ Ю. Кшижановского свидетельствует о большом внимании к народной культуре в социалистической Польше. Отражая значительный этап в истории польской фольклористики XX в., оно, осмысленное в свете современных научных проблем, будет способствовать новым исканиям и достижениям в области изучения искусства народных масс.

В. Е. Гусев

²³ Ibid., t. III, s. 58—67, 76—90.

²⁴ Ibid., s. 39—57, 91—122, 177—202, 133—149.

²⁵ Ibid., s. 68—75, 150—176.

²⁶ Ibid., s. 212—308.

²⁷ Ibid., s. 123—132.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна/Составление и коммент. Концевича Л., вступит. статья Рифтина Б. М.: Худож. лит., 1980. 286 с.

Подготовленное коллективом ведущих советских корееведов собрание корейских мифов и преданий представляет собой важный и ценный вклад в изучение древней и своеобразной культуры Кореи. Хотя основными источниками, из которых черпались мифы и предания, послужили сочинения сравнительно поздней эпохи (XII—XIII вв.), поскольку более ранних записей не сохранилось, не вызывает сомнения, что корни многих из них уходят в глубокую древность. Пожалуй, ни одна достаточно древняя и достаточно развитая мифологическая система не может сейчас считаться совершенно «чистой», свободной от инородных заимствований и напластований. Корейские мифология и фольклор в этом смысле не исключение, хотя в последние годы все активнее выдвигается концепция «автохтонного» происхождения корейцев и их культуры. В силу географических и исторических условий Корея находилась как бы на перекрестке древних мировых путей: с юга на север (так называемая восточная меридиональная магистраль, сыгравшая, как считают многие исследователи, большую роль в этнических процессах Восточной Азии) и с запада (Индия, Китай) на восток (Япония). По мнению специалистов, в этногенезе корейцев прослеживаются два крупных компонента — северный (народы алтайской языковой семьи, и в первую очередь тунгусо-маньчжурские племена, а также, возможно, и палеоазиаты) и южный (аустронезийский). Наиболее значительным, видимо, следует признать первый из них, что подтверждается антропологическим обликом, духовной культурой и языком корейцев. В поздние эпохи Корея

подверглась культурному влиянию Китая, а также испытала воздействие буддизма, принесшего с собой элементы индийской культуры. Все это не могло не наложить отпечатка на содержание и облик корейских мифов и преданий.

Интерес к проблемам мифологии и фольклора корейцев в отечественном корееведении значительно возрос за последнее десятилетие. Появились серьезные разработки конкретных вопросов корейской мифологии, выполненные этнографами Р. Ш. Джарылгасиновой и Ю. В. Ионовой, филологами М. И. Никигиной, А. Ф. Троцевич и Л. Р. Концевичем, историками М. Н. Паком и Ю. М. Бутиным. Большинство этих ученых участвовали в переводе корейских мифов и преданий для рецензируемого сборника. Почти одновременно со сборником в свет вышел первый том энциклопедии «Мифы народов мира», в котором наряду с общей статьей «Корейская мифология» помещены многочисленные статьи по отдельным персонажам и терминам корейской мифологии. Автор их — составитель рецензируемого сборника Л. Р. Концевич. Совсем недавно опубликована оригинальная по замыслу и исполнению монография М. И. Никитиной «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» (1982), в которой вскрыты особенности мифопоэтического мышления древних корейцев.

В свете этих работ обширная вступительная статья Б. Л. Рифтина, предпосланная публикации переводов текстов в сборнике, а также комментарии Л. Р. Концевича к переводам дают богатый материал для сравнительно-исторического изучения корейской мифологии. Как в статье, так и в комментариях содержится ряд тонких оценок, наблюдений и гипотез, заслуживающих, на наш взгляд, самого пристального внимания. Некоторые из них мы и затронем в нашей рецензии.

В числе северных компонентов древнекорейской культуры во вступительной статье совершенно справедливо отмечается почитание березы как шаманского мирового древа, а также культовое почитание медведя. Хотя мотив тотемного брака с медведем встречается, например, и в китайском фольклоре (сказки этого типа зафиксированы в пров. Гуандун¹), едва ли можно оспорить сибирское происхождение этих компонентов. К североазиатскому элементу в корейской мифологии, на наш взгляд, можно отнести и следующее предание из «Самгук юса» Ирёна (XIII в.): духи солнца и луны — Ено (букв. «толстый ворон») и Сео (букв. «тонкая ворона»), покинув царство Силла, отбыли в Японию; только после того, как в жертву небу был принесен шелк, переданный от Ено государю Силла, они вновь вернулись в страну. Здесь обращает на себя внимание отождествление светил с воронами. Из соседей корейцев образ солнца-ворона известен только китайцам, у которых связанный с ним миф зафиксирован уже в IV в. до н. э. Со светом и солнцем ворон обычно связывается и в мифологии северных палеоазиатов, где его главным культурным деянием является добывание света, создание светил². В древнекитайском мифе повествуется о стрелке И, сбившем стрелами девять лишних солнц, имевших облик трехлапых золотых воронов (цзиньбу). Мотив уничтожения лишних светил распространен чрезвычайно широко — от Юго-Восточной Азии и Южного Китая до Северной Америки³. В Приамурье он отмечен у палеоазиатской народности нивхов и тунгусоязычных орочей⁴. Проблема взаимосвязи мифов этого цикла очень сложна, но даже при беглом обзоре географии их распространения и их семантики обнаруживаются некоторые закономерности: сразу выделяются два крайних «полюса» — южный и северный, где культурный герой, убивающий или похищающий светила (например, гавайский Мауи, североамериканский Койот), не имеет птичьего облика или же он выражен весьма слабо. Между этими «полюсами» расположены две группы мифов — условно обозначим их как северную и южную, из которых северная группа характеризуется, во-первых, ясно выраженной птичьей природой культурного героя, а во-вторых, тем, что мотив уничтожения светила чередуется с мотивом его добывания. В южной группе мифов герой имеет облик петуха (миф об Аматрасу-омиками) или какой-либо другой птицы (тайваньские гаошань), в северной — в роли героя выступает ворон. Между этими группами мифов помещается группа преданий, которую, опять-таки условно, можно назвать контактной. Для нее характерно совпадение субъекта и объекта действия: с одной стороны, ворон и есть само солнце (китайский и корейский мифы), а с другой — солнце либо «добывается» самим вороном (корейский вариант), либо уничтожается героем, имеющим реликтовые птичьи (вороньи?) черты (стрелок И — из китайского мифа⁵). В результате такого по необходимости общего анализа логической структуры мифов этого цикла можно предположить, что корейский миф, во-первых, родственен большому числу аналогичных мифов других народов Азии, а во-вторых, относится, вероятно, к наиболее архаичным из них, являясь переходным от палеоазиат-

¹ Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen.— FF Communications. V. L. № 120. Helsinki, 1937, S. 64.

² Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона). М.: Наука, 1979.

³ Erkes E. Chinesisch-amerikanische Mythenparallelen.— T'oung Pao, N. S., 1926, XXIV, S. 32—54.

⁴ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, негидальцы, айны. Статьи и материалы, Хабаровск: Дальгиз, 1933; с. 493—494; Крейнович Е. А. Нивхгу. М.: Наука, 1973, с. 329—333; Ороческие сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966, с. 193—194.

⁵ В пользу того, что первоначально стрелок И мыслился птицей, говорит сам иероглиф, которым записывается его имя, а также то, что он обладал способностью летать, а его дворец помещался на солнце (Werner E. T. C. A Dictionary of Chinese Mythology. Shanghai. 1932, p. 159, 418). Косвенным указанием может служить и легенда о жене стрелка И — Чан Э, улетевшей на луну; можно предположить, что эта функция Чан Э первоначально принадлежала самому И.

ских мифов к китайскому. К этому можно добавить, что уже в историческое время архаичный собственно корейский миф о солнечном вороне был если не забыт, то во всяком случае оттеснен на второй план его китайским вариантом, проникшим в Корею в период интенсивного китайского культурного влияния.

Из числа аустронезийских компонентов в корейской мифологии выделяются мифы о чудесном рождении героя из яйца и из тыквы. Надо сказать, что эти мотивы присутствуют и в китайской мифологии (легенды о Хуньдуне и Паньху), но и там они явно южного происхождения. Интересно, что в Юго-Восточной Азии и в Китае мотив рождения из тыквы тесно связан с мифами о предке-собаке. В мифологии же корейцев, у которых культовое почитание собаки было, как известно, весьма распространено, такая связь, насколько нам известно, отсутствует.

Если аустронезийский и алтайский компоненты в силу их глубокой древности выделить весьма сложно, то большинство фактов китайского влияния на корейскую культуру очевидно. Во вступительной статье этот аспект проблемы проанализирован достаточно обстоятельно. К сказанному там можно добавить, что, вероятно, китайское происхождение имеет популярный в корейских легендах образ лисы-оборотня (в китайском фольклоре его родиной считается северо-восток Китая⁶), видимо, через Корею проникший и в Японию, где вера в лис-оборотней в виде пережитка существует и поныне⁷. Что касается другого популярного персонажа корейской мифологии и искусства — дракона, то, полностью сгласившись с Б. Л. Рифтиным и другими авторами в том, что он сформировался под китайским влиянием, хотелось бы заметить, что у некоторых народов Дальнего Востока (тунгусы, айны) представления об огромном фантастическом змее-драконе (*мудур, симу, чуф-камуи*) сложились самостоятельно⁸; возможно, и в Корею заимствованный из Китая образ наложился на местный субстрат.

Кроме этого, встречается и ряд менее очевидных корейско-китайских аналогий. Так, например, в предании о государыне Сондок одно из ее предсказаний построено на представлении о том, что «лягушки свирепым видом напоминают лики воинов». Подобное сравнение весьма необычно, аналогию ему мы встречаем только в Китае: в трактате «Хань Фей-цзы» (гл. «Нэй чу шо») сообщается, что юэский ван перед походом на царство У, дабы воодушевить своих воинов, велел показать им двух дерущихся лягушек как пример стойкости и боевого духа. Здесь же можно вспомнить и чудесное свойство китайской мифической жабы чаньчжу отражать от своего владельца пять видов оружия. Возможно, образ двух дерущихся лягушек воспринят популярному в китайской мифологии мотиву боя двух драконов. Сейчас трудно сказать, заимствовано ли уподобление лягушки воину из китайской классики или же восходит к каким-то более древним истокам.

Что касается индийского влияния, то, на наш взгляд, очень убедительной и интересной представляется приведенная в статье Б. Л. Рифтина гипотеза об индийском происхождении корейской легенды о Чакчегоне, которая во многом аналогична русской былинке о Садко. В этой легенде обращает на себя внимание одна деталь: владыка подводного царства дарит герою чудесную свинью. Б. Л. Рифтин в связи с этим резонно замечает, что неясно, «почему царь драконов в подводном царстве держит именно свинью». В самом деле, в дальневосточных мифологиях свинья как обитатель подводной стихии, насколько нам известно, не фигурирует. Этот персонаж мы встречаем только у индоевропейцев (у других народов лишь отчасти, ср. евангельскую притчу об излечении одержимого: бесы, обращенные в свиней, бросаются в море); одна из наиболее популярных аватар (земных воплощений) ведийского божества Вишну — кабан (вараха). С ней связан миф о Вишну, который, обратившись в кабана, нырнул на дно океана и на клыках вынес и утвердил затонувшую в результате потопа землю. В «Тайттирия-самхите» это деяние приписывается другому древнеиндийскому божееству — Праджapati⁹. Представление о вепре, выходящем из моря, зафиксировано и у славян¹⁰, что свидетельствует о возникновении данного образа еще в эпоху индоевропейской общности. Названный выше сюжет проник в Корею, очевидно, через Китай. Подтверждение этому можно найти в китайской литературе и фольклоре: предание, аналогичное корейскому, содержится, например, в сборнике Гань Бао (III—IV вв. н. э.) «Записки о духах»¹¹; в другой средневековой легенде бог-покровитель моряков Янь-гун спасает минского императора Тай-цзу (1368—1399 гг.) во время шторма и ловит обитавшую в пучине свинью-дракона¹²; в одной из новелл X в. морское божество сопровождают служители с кабаньими клыками¹³. Итак, если наше предположение верно и в корейской легенде свинья является реликтом образа Вишну-Праджapati, то гипотеза об индийском источнике предания о Чакчегоне получает еще одно подтверждение.

Перечень возможных индийских заимствований в корейской литературе можно увеличить. Так, в легенде о монахе Мёджоне государь и придворные почитают обладателя

⁶ Eberhard W. Op. cit., S. 373. Аналогичные предания известны в нивхском фольклоре, см.: Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 426.

⁷ Hori I. Folk Religion in Japan. Chicago — London, 1968, p. 45.

⁸ Штернберг Л. Я. Указ. раб., с. 431, 530, 571—572.

⁹ Bhattacharyya N. N. History of Indian Cosmological Ideas. — New Delhi, 1971, p. 7.

¹⁰ Фаминцын А. С. Божества древних славян. В. 1. Спб, 1884, с. 173.

¹¹ Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I—VI веков. М.: Худож. лит., с. 145—147.

¹² Werner E. T. C. Op. cit., p. 591.

¹³ Schafer E. H. The Divine Woman. Dragon Ladies and Rain Maidens in T'ang Literature. Berkeley — Los Angeles — London, 1973, p. 128.

волшебной жемчужины, подаренной черепахой. Этот мотив встречается также в фольклоре и эпосе народов Центральной Азии¹⁴, где он, вероятно, индийского происхождения. Часть элементов буддийской мифологии, встречающихся в корейских легендах, представлена в неявной, имплицитной форме. Так, в одном из преданий государь Чинпхён, наступив на три плиты в храме Нэджесок, ломает их — в таком виде они остаются на память потомкам. В основе этого эпизода, несомненно, лежит распространенное в буддизме почитание отпечатков ног Будды, восходящее, на наш взгляд, к шаманизму и независимо от индийской традиции существовавшее также и в древнем Китае¹⁵, а возможно, и у других азиатских народов. Буддийское происхождение в данном случае подтверждается и тем, что в другой легенде — о монастыре Пэннюльса следы ног в храме приписываются бодисатве Гуаньинь (Авалокитешваре).

Свидетельством возможных контактов корейской средневековой литературы с литературой других стран служит эпизод из предания о государе Кёнмуне, напоминающий фрагмент древнегреческой легенды о фригийском царе Мидасе, которого Аполлон наградил ослиными ушами. Чем вызвано сходство этих сюжетов — пока неясно¹⁶.

Ряд совпадений в мифологии корейцев и других народов имеет типологический характер. Так, в поэме Ли Гюбо Чумон ликвидирует разлив вод, проведя плеткой по воде; это напоминает приведенную у Геродота легенду о том, как Ксеркс приказал бичевать Геллеспонт за то, что море снесло мост. Эти легенды независимы друг от друга и, на наш взгляд, восходят к широко распространенным не только у индоевропейцев, но и у китайцев, монголов и других народов¹⁷ представлениям о том, что от удара животного ногой (у индоевропейцев это обычно конь¹⁸, у китайцев — жаба) или от удара посохом (жезлом, плетью) из земли начинается бить неиссякаемый источник; в корейской легенде имеет место всего лишь перемена знака действия — добывание воды заменено ее устранением.

В заключение хочется отметить, что данный сборник средневековых корейских мифов и преданий весьма удачно сочетает в себе высокое художественное качество переводов с научной строгостью. Достоинством сборника является также то, что все переводы выполнены не с переложений мифов и преданий на современный корейский язык, а с оригинальных текстов, написанных на ханмуне, корейзированной форме китайского письменного языка вэньянь, который был официальным литературным языком в средневековой Корее. Все это позволяет оценивать сборник как достоверное и авторитетное научное издание. Большая заслуга здесь принадлежит составителю и редактору книги Л. Р. Концевичу, который не только тщательно отобрал из корейских средневековых исторических сочинений мифы и предания и систематизировал их, но и перевел немалую часть их и снабдил издание обстоятельным квалифицированным комментарием, автору вступительной статьи, принимавшему участие также в редактировании, Б. Л. Рифтину, и всему коллективу ученых, работавших над переводом текстов¹⁹. Думается, что данная книга, являющаяся сводом раннего корейского фольклора и исторической прозы, представит несомненный интерес не только для литературоведов и фольклористов, но и для широкого круга этнографов и историков, изучающих культуру древней и средневековой Кореи, а более широко — и всего Дальнего Востока.

В. В. Евсюков

¹⁴ Потанин Г. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

¹⁵ Karlgren B. Some Fecundity Symbols in Ancient China.— The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. № 2, Stockholm. 1930. Евсюков В. В. Об одном космологическом мотиве искусства Китая эпохи неолита.— В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I, М.: Наука, 1981.

¹⁶ Несколько вариантов легенды об Эльджиген-чиктей хане (ослиноухий хан), буквально повторяющих древнегреческое предание, записано Г. Н. Потаниным у западных монголов. См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. В. IV. Спб, 1883, с. 293—298.

¹⁷ В нивхской легенде герой бьет прутом землю, отчего появляются притоки рек (Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 333).

¹⁸ Ср.: Источник Иппокрена начинает бить от удара ногой Пегаса; ведийские Ашвины наеживают сто кружек меда из отпечатка копыта коня; в русских былинах от удара копытом коня Ильи Муромца появляется колодезь; литовское божество весеннего солнца Усин варит мед в отпечатке конского копыта и т. д.

¹⁹ В художественной обработке текстов немалую роль сыграл издательский редактор В. Е. Санович. Следует также отметить осуществленный Е. Витковским корректный и изящный поэтический перевод стихов, вкрапленных в прозаический текст преданий и эпической поэмы Ли Гюбо «Государь Тонмен», а также оригинальное художественное оформление книги.